

Денежно-кредитная политика России в 2023–2025 годах: курс на стабильность и эффективность

Russian Monetary Policy in 2023–2025: a Course Towards Stability and Efficiency

УДК 336.14

DOI: 10.12737/1998-0701-2023-9-1-3-9

Е.Е. Смирнов, парламентский корреспондент**E.E. Smirnov**, Parliamentary Correspondent

e-mail: ilya.smirnov@nm.ru

e-mail: ilya.smirnov@nm.ru

Аннотация. В начавшемся трехлетии 2023–2025 гг. основной целью денежно-кредитной политики Банка России будет согласно Конституции РФ и Федеральному закону о Центральном банке РФ защита и обеспечение устойчивости рубля посредством поддержания ценовой и финансовой стабильности при инфляции вблизи 4% в интересах адаптации российской экономики к новым условиям на мировом рынке и связанной с этим ее структурной перестройки.

Ключевые слова: денежно-кредитная политика, инфляция, валютный рынок, финансовые ресурсы, ключевая ставка, фондовый рынок.

Abstract. In the new triennium 2023–2025 The main goal of the monetary policy of the Bank of Russia, in accordance with the Constitution of the Russian Federation and the Federal Law on the Central Bank of the Russian Federation, will be to protect and ensure the stability of the ruble by maintaining price and financial stability with inflation close to 4% in the interests of adapting the Russian economy to new conditions in the world market and related its structural transformation.

Keywords: monetary policy, inflation, foreign exchange market, financial resources, key rate, stock market.

Принимая федеральный бюджет трехлетия, Государственная дума на осенней сессии одновременно с этим капитально ознакомилась с денежно-кредитной политикой (далее — ДКП) Центрального банка РФ и высказала ему весьма серьезные пожелания. А на финише этой чрезвычайно важной для страны парламентской работы Государственная дума рассмотрела подготовленные Банком России Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 г. и период 2024 и 2025 гг. (далее — Основные направления) и приняла их к сведению, т.е. одобрила зафиксированную в этом документе стратегию финансового мегарегулятора.

Время сегодня не терпит промедления

Представляя Основные направления Государственной думе, председатель Центрального банка РФ Э.С. Набиуллина напомнила депутатам о том, что в конце зимы — начале весны 2022 г. финансовая система страны под-

верглась очень мощному санкционному давлению, но смогла продолжить бесперебойно работать, обеспечивать финансовыми ресурсами граждан и компании. По ее словам, это стало возможно благодаря трем факторам.

Первый фактор — таргетирование инфляции и плавающий курс. Всплеск инфляции в начале года Банку России удалось подавить благодаря оперативному резкому повышению ключевой ставки. Затем, как только ситуация начала стабилизироваться и риски раскручивания инфляционной спирали стали ослабевать, ЦБ стал так же оперативно снижать ставку. В итоге к концу 2022 г. инфляция не сильно отличалась от инфляции в сопоставимых экономиках, хотя мы имели дело с куда более масштабными потрясениями. Более того, в отличие от нас к осени центральные банки в других странах стали проводить политику активного ужесточения денежно-кредитной политики, повышая ставки. Ну, а Банк России плавно снижает инфляцию. «Мы

здесь не торопимся, понимая, что в процессе перестройки экономики рост цен может оставаться какое-то время повышенным, и планируем достичь цели 4% в 2024 г.»

О плавающем валютном курсе. Мы и в предыдущие кризисы видели, как он принимает на себя шоки и помогает экономике адаптироваться к изменению внешних условий. Это происходит и сейчас. Большим риском в начале весны 2022 г. было резкое сокращение импорта, дефицит некоторых потребительских товаров, оборудования, комплектующих для предприятий. И нашим предпринимателям было очень непросто наладить новые каналы поставок, найти новых партнеров в странах, с которыми они раньше не работали. Укрепление рубля, которое произошло во втором квартале 2022 г., дало возможность восстанавливать объемы и потребительского, и инвестиционного импорта, несмотря на логистические издержки и повышение отпускных цен, т.е. укрепление рубля работает на переориентацию экономики, на новую географию международного сотрудничества и является своеобразным предохранительным каналом в ответ на ограничения по поставкам товаров в Россию.

Второй фактор — это финансовая стабильность. Цель санкций была в том, чтобы спровоцировать неуправляемый коллапс нашей финансовой системы: к такому внеэкономическому риску, как санкции, очень непросто подготовиться, его, что называется, не учесть в математических моделях. И расчет наших недругов был именно на это. Но мы последовательно повышали устойчивость финансовой системы к различного рода потрясениям, и это помогло. На рынке мы не оставили хронически неустойчивых банков, которые не выдержали бы такого испытания и могли бы вызвать эффект домино.

По словам Э.С. Набиуллиной, «банки создавали так называемые буферы — запас, который можно использовать в трудный момент. Мы эти буферы также распускали в период пандемии. А затем банки восстановили свою подушку безопасности и вновь использовали ее весной 2022 г. В итоге банки сегодня стабильны, кредитование растет, отвечая на возросшие потребности экономики».

Третий фактор — это самодостаточная финансовая инфраструктура. Для граждан пла-

тежи как по картам «Мир», так и по картам ушедших с российского рынка международных платежных систем внутри страны работают на базе процессинга национальной системы платежных карт. Система передачи финансовых сообщений — это наш аналог SWIFT — бесперебойно обслуживает банки внутри страны. Система работала полноценно уже несколько лет. Но в 2022 г., когда ряд банков от SWIFT отключили, трафик в системе передачи финансовых сообщений вырос почти на четверть и может продолжать расти, для этого есть все необходимые мощности системы. У нас есть и своя рейтинговая индустрия — национальная перестраховочная компания, — и отказ от работы с нами международных компаний в этих сферах, хотя и неприятен, конечно, но не может привести к остановке рынка капитала, подорвать систему регулирования.

Банк России применял и специальные меры по борьбе с кризисом, в том числе уже упомянутое резкое повышение ключевой ставки для борьбы с инфляцией и рисками финансовой стабильности, а также меры по ограничению движения капитала, что позволило стабилизировать валютный рынок. Но затем мы постепенно отказывались от лобовых мер с жесткими лимитами с тем, чтобы партнеры и инвесторы, прежде всего российские граждане-инвесторы были уверены, что мы не будем злоупотреблять административными мерами, когда острой необходимости в них нет.

В начале весны 2022 г. на фондовом рынке у нас возникла очень сильная волатильность. Мы были вынуждены временно приостановить торги, и возобновляли их в ручном режиме: секцию за секцией. В итоге уже к концу марта мы смогли вернуться к нормальной работе фондового рынка.

По данным Э.С. Набиуллиной, уже сейчас на базе замедления инфляции и снижения ключевой ставки растет кредитование предприятий. Компаниям нужны кредиты для трансформации своей деятельности, и банки способны наращивать кредитование, у них есть запас капитала.

Рост ипотеки в 2022 г. — около 12%. Это немало, особенно с учетом того, что риски изменения геополитического фона заставляют людей отложить свои решения о покупке квар-

тиры. Но руководителя Банка России беспокоит, в частности, ипотека от застройщика. Анализ показывает, что стоимость квартиры завышается на 20–30%. Часто переплата из-за роста стоимости квартиры оказывается больше, чем дает снижение процентов по кредитам. А продать эту квартиру на вторичном рынке за те же деньги уже не получится. И здесь, конечно, есть риски для граждан-заемщиков и для банка, который получает в залог актив по завышенной цене. «Мы сейчас выработали меры по ограничению рисков в этом сегменте и предполагаем, что они вступят в силу в начале 2023 г.»

Теперь о прогнозе, который лежит в основе денежно-кредитной политики. В базовом прогнозе Банк России исходит из того, что глобальная экономика будет развиваться уже в рамках сформированных трендов. «Мы видим, — сказала Э.С. Набиуллина, — как центральные банки других стран, пытаясь справиться с раскручиванием инфляции, повышают ставки. Конечно, более высокие ставки будут сдерживать рост, но согласно базовому сценарию масштабного кризиса в мире удастся избежать, мировая финансовая система сохранит устойчивость.»

Российская экономика снизится по итогам 2022 г., по нашему прогнозу, на 3–3,5%, а во второй половине 2023 г. вернется к росту. За следующие два года темпы роста ВВП стабилизируются примерно на уровне 1,5–2,5%. Но дальнейший рост будет зависеть от успешности структурной перестройки экономики. А для этого нужна финансовая стабильность. При росте инфляции такая перестройка, очевидно, затормозится. Инфляция, по нашему прогнозу, замедлится до 5–7% в 2023 г., а в 2024 г. вернется к цели в 4%. Ключевая ставка согласно базовому прогнозу составит 6,5–8,5% в 2023 г., в следующем, 2024 г. — 6–7% и в 2025 г. — 5–6%. Кредитование экономики будет расти темпами 8–13% в следующем году, а затем, в 2024 г., будет чуть выше».

В ближайшие годы российские предприятия, по мнению Э.С. Набиуллиной, будут менять свои бизнес-модели: от продажи сырья будут переходить к производству продукции с более высокой степенью переработки, будут менять географию отношений с покупателями, поставщиками. Это уже происходит, и этот

процесс затрагивает все сектора. Каким-то предприятиям легче это делать, каким-то сложнее, и степень сложности также зависит от того, насколько глубоко повреждены внешнеэкономические связи, насколько реально создать новые связи, откроет ли предприятие новые ниши на внешних и внутренних рынках.

Второй сценарий в Банке России назвали ускоренной адаптацией, когда компании смогут быстрее наладить нужные связи и найти новые ниши. По этому сценарию рост возобновится уже в 2023 г., инфляция вернется к цели быстрее и при более мягкой денежно-кредитной политике.

Третий сценарий — глобальный кризис. И это говорит само за себя. Такой сценарий вероятен, если центральные банки ведущих стран для борьбы с инфляцией будут вынуждены повысить ставки до уровней, которые приведут не только к рецессии, но и к проблемам в финансовой системе. В Банке России полагают, что при этом сценарии возможен экономический спад, сопоставимый со спадом 2008–2009 гг. Естественно, это отразится и на России. Инфляция у нас будет выше, от нас потребуются более жесткая денежно-кредитная политика, ну и к цели по инфляции мы сможем вернуться только в 2025 г.

По словам Э.С. Набиуллиной, темпы структурной перестройки и сбалансированного роста в дальнейшем, конечно, отчасти зависят от внешних факторов, но во многом и в главном — от нас самих. Банк России будет строить свою политику таким образом, чтобы финансовая система максимально полно отвечала меняющимся потребностям нашей экономики.

Что планируется делать в дальнейшем?

Во-первых, обеспечивать стабильно низкую инфляцию. Она очень важна для развития долгосрочного, в том числе и прежде всего инвестиционного финансирования. Поэтому в этой части цели и принципы нашей денежно-кредитной политики останутся прежними.

Во-вторых, стратегически важные направления экономики должны сейчас развиваться ускоренными темпами, они требуют больших финансовых ресурсов. Банк России готов будет применять стимулирующее регулирование к банкам с тем, чтобы кредитование соответствующих проектов набирало обороты.

В-третьих, очень важно развитие рынка капитала. По сути, он должен стать главным источником долгосрочного финансирования. Инструменты фондового рынка в целом должны развиваться вместе с изменением экономики и быть более гибкими. Особое внимание будем уделять защите прав розничных инвесторов. В том числе в интересах этого нужно будет сформировать и полноценную систему выпуска и оборота цифровых финансовых активов.

В-четвертых, необходимо уделить внимание цифровому рублю. Цифровая валюта Центрального банка нужна как внутри страны, так и для развития трансграничных платежей. В целом же развитие международных платежей остается приоритетом для нас даже при том, что усиливается давление на российский финансовый рынок и на страны, являющиеся нашими партнерами. «Мы будем расширять расчеты в национальных валютах, искать способы обеспечить комфорт расчетов и для бизнеса, и для граждан. Это очень сложная проблема, но мы находимся на этапе разработки решений».

Эти и другие темы представители Банка России подробнейшим образом обсуждали на заседаниях в рабочей группе Государственной думы, в думских комитетах, на встречах с руководителями фракций. Как отметил в своем выступлении при обсуждении Основных направлений председатель Комитета Государственной думы по финансовому рынку А.Г. Аксаков, такие встречи, и не только с Центральным банком, но и с профильными министерствами, Государственной думе необходимо сделать обязательными, регулярными при рассмотрении денежно-кредитной политики.

Центральный банк, отметил далее А.Г. Аксаков, описывает три варианта дальнейшего развития событий: базовый сценарий, сценарий более благоприятного развития и сценарий кризиса. При этом на заседаниях рабочей группы в Государственной думе все отмечали, что сценарий кризиса становится все более вероятным, и поэтому очевидно, что нам необходимо больше внимания уделить как раз этому варианту. Однако в документах, которые представил Центральный банк, все-таки не оказалось достаточно глубокого анализа рисков реализации вот этого неблагоприят-

ного сценария, который будет связан с мировым кризисом. Поэтому необходимо проранжировать все риски и обязательно довести информацию о них до сведения общественности, хозяйствующих субъектов, банков, чтобы они видели, что будет делать Центральный банк, если реализуется негативный сценарий, и чтобы исходя из этого могли планировать свою деятельность.

Э.С. Набиуллина сказала, что Центральный банк будет уходить от послаблений, которые он предоставил финансовым институтам. Но по мнению А.Г. Аксакова, надо осторожно относиться к такому уходу от послаблений. Поскольку мы видим, что санкции продолжают приниматься все более и более жесткие.

При этом считает А.Г. Аксаков, мы, безусловно, должны думать о том, чтобы внедрять соответствующую времени регуляторную политику, в том числе Банка России, стимулирующую развитие страны, опирающуюся на внутренний потенциал развития. И для этого необходимо как можно быстрее выработать назревшие меры законодательного характера.

В частности, на взгляд А.Г. Аксакова, нам надо разобраться с государственными гарантиями, поскольку они фактически являются отзывными. В Комитете ГД по финансовому рынку уже несколько раз инициировали законопроект, направленные на то, чтобы госгарантии были безотзывными, безусловными, но правительство, опираясь на мнение Минфина, постоянно дает на них отрицательные отзывы. «А ведь дело зачастую касается госгарантий по приоритетным проектам, в том числе по проектам в части производства необходимой для страны продукции, которой у нас просто нет в стране. На такие проекты, безусловно, должна быть серьезная госгарантия, и банки должны понимать, что она безусловная и безотзывная».

Кардинальная перестройка произойдет уже на дистанции

В какой мере необходимость адаптации российской экономики к новым условиям отразится на денежно-кредитной политике Банка России? И увидели ли Вы какие-то существенные изменения в ней, знакомясь на осенней сессии с Основными направлениями?

Отвечая на этот вопрос корреспондента «Аудитора», заместитель Председателя Комитета Государственной думы по финансовому рынку А.Н. Свистунов сказал, что, на его взгляд, денежно-кредитная политика пока существенных изменений не претерпела. Она продолжает двигаться в том же русле, что и последние восемь лет, начиная с 2014 г. Практически меняются только несущественные детали.

Что имеется в виду? Прежде всего то, что целью ДКП остается обеспечение низкого уровня инфляции, а именно инфляции в 4% или близких к этому значений.

В мире не все страны проводят такую политику. Но наш Центральный банк понять можно. Он исходит из требований Конституции РФ и закона о Центральном банке, которые видят основную задачу Цетробанка в обеспечении стабильности национальной валюты, в обеспечении покупательной способности рубля.

Почему 4%, если в большинстве стран видят верхнюю границу инфляции в 3%? ЦБ объясняет это прежде всего структурой нашей экономики, в которой очень много завязано на нефтегазовый комплекс, а также тарифным регулированием наших крупных монополистов. В частности, сами по себе тарифы, по расчетам Цетробанка, добавляют 1% как минимум к средней инфляции.

Теперь на тот вопрос, который интересует журнал. Пусть ДКП остается прежней или ее надо кардинально менять? Думаю, придется. Хотя пока Цетробанк, готовя Основные направления начавшейся трехлетки, не подал таких сигналов.

Во-первых, я попросил ЦБ в его материалах по ДКП привести данные по Китаю, потому что тот же самый Китай не ставит целью своей ДКП таргетирование инфляции. Во-вторых, у них существует не одна ключевая ставка, как у нас, а 4 и по разным направлениям. Они по-другому называются, но фактически это те же ставки, которые устанавливает ЦБ, поэтому их можно назвать ключевыми ставками. Ну и еще есть ряд особенностей в том механизме ДКП, которую проводит Китай. В основе нашей ДКП, конечно же, англо-саксонская модель. Это связано с характером глобальной экономики и с нашим стремлением в эту глобальную экономику встраиваться, т.е. найти там свое место. Естественно, наше место там —

это энергоносители. И потому у нас такой перекос в экономике, что нефтегазовый сектор в доходах страны, бюджета в частности, занимает около 50%.

— Не сдерживает ли такой курс развитие реального сектора экономики?

— Он не сдерживает сам по себе. Более того, сырьевые, нефтегазовые секторы, которые развиваются успешно, тянут за собой внутренний машиностроительный комплекс, потому что их нужно обслуживать, создавать различные комплектующие, обеспечивать новые технологии, глубокую переработку добываемых ресурсов, чтобы не просто сырую нефть продавать за рубеж, а уже продукты нефтепереработки, а еще лучше нефтехимии и т.д.

Вместе с тем, отвечая на вопрос, скажу, что такой курс, конечно, не стимулирует развитие реального сектора. А ему такие стимулы нужны.

Обратимся к примеру отечественного сельского хозяйства. За последние 10 лет оно совершило рывок. И это произошло благодаря тому, что руководством страны, включая правительство, проводилась целенаправленная государственная политика по стимулированию развития сельского хозяйства в интересах продовольственной безопасности нашего народа.

Как известно, после 2008 г. коллективный Запад направил свои санкции на подрыв нашей продовольственной безопасности. Наши западные партнеры прежде всего попытались перекрыть нам поставки продовольствия. Это стало для нас стимулом развивать собственное сельское хозяйство.

За прошедшие 12 лет мы многого добились, и сегодня можно говорить о том, что вопрос продовольственной безопасности в значительной степени решен. Хотя по семенам проблемы еще остаются. Успокаивает только то, что в этом направлении соответствующая работа еще ведется.

Вот что дает направленная политика государства на стимулирование развития конкретной отрасли.

К сожалению, в отношении некоторых других отраслей такой целенаправленной политики государства у нас не просматривалось. Мы шли в русле рыночной экономики, дескать, невидимая рука рынка сама все отрегулирует. Вот из-за этого мы и дошли до того, что у нас сегодня во многих отраслях ощущается серьезная импортозависимость. Мы понимаем,

что много времени уже упущено. Но лучше позже, чем никогда. Поэтому надо браться за упущенное уже сегодня.

Однако в денежно-кредитной политике Банка России это не прописано. В частности, ДКП не отвечает на вопрос о том, что будет у нас с инвестициями. Согласно ей инвестиции у нас находятся сегодня в стагнирующем состоянии. Но что будет с ними дальше, она об этом ничего не говорит. Почему, тоже непонятно. Потому что этот вопрос решается не одним ЦБ, а ЦБ вместе с правительством. Вот это вопрос, который сейчас ставится в повестку дня как вопрос номер один. Думаю, в 2023 г. мы будем нашу ДКП сильно менять. Если мы хотим добиться того, чтобы у нас развивались инвестиции, она должна быть другой, это однозначно. Я не знаю, какую политику будет предлагать Банк России: будет она ближе к китайской или, может, будет обладать еще какими-то особенностями, трудно сказать. Но то, что ДКП придется обязательно менять, — это факт. Потому что рынок инвестиций на сегодняшний день в России практически отсутствует.

У нас, правда, есть банковское кредитование. Но инвестиции и банковское кредитование — это разные вещи. Банковское кредитование применимо для пополнения оборотных средств или для коротких производственных программ там, где цикл окупаемости условно 5–7 лет. Во-первых, если речь заходит о 10 и более годах, то банковский кредит не может решить такой проект, потому что ни один банк себе не позволит такие риски. А во-вторых, нужно учитывать процентные ставки. Ведь банк кредитует по тем процентным ставкам, которые существуют на рынке. Ну и соответственно, если он будет кредитовать инвестиционную программу под ту рыночную ставку выше 10%, это абсолютно бесполезное дело.

Кстати, сельское хозяйство России, совершившее недавно впечатляющий рывок, инвестировали через Россельхозбанк под низкие ставки. Но это, повторяю, была государственная программа. Всем было понятно, как она перекредитовывается, как заменяются одни ресурсы на другие, кто субсидирует процентную ставку и т.д.

Важно обеспечить инвестирование не только для одной отрасли. А для этого просто должен

быть механизм инвестиций. Что это такое? Прежде всего, должны быть нормальные государственные гарантии, институт государственной гарантии. Но у нас его как бы нет, потому что нет у нас, например, правительственных безотзывных гарантий. Все гарантии, которые выдает правительство, Минфин, у нас отзывные. Из-за этого ЦБ и не признает эти гарантии Минфина как 100%-е покрытие.

Теперь о главном инструменте инвестиций — рынке капитала. К сожалению, он функционирует у нас в основном за счет иностранного инвестора, который приходил на наш рынок, покупал акции, облигации наших предприятий, и за счет этого шло финансирование различных крупных предприятий, крупных инвестиционных проектов. Сейчас по очевидным причинам это невозможно. Стало быть, надо создавать такой рынок, иначе инвестиций не будет. А к просто госфинансированию мы не готовы. Впрочем по пути госфинансирования не идут даже китайцы. Рыночная экономика все-таки подразумевает рыночные стимулы. Стало быть, нужны институты инвестирования, нормальные институты инвестирования, которые будут финансировать инвестиционный процесс не через кредиты, а через рынок капитала.

У нас сейчас есть такие институты развития, как ВЭБ, ДОМ.РФ, корпорация МСП (по развитию малого и среднего предпринимательства), Роснано. Но они все направлены в основном на кредитные программы. А требуется другое. Требуется, чтобы они покупали акции, облигации предприятий, т.е. чтобы они давали так называемый венчурный капитал — тот, который позволяет финансировать долгосрочные проекты. Это другой инструмент, который нужно еще создать. Может это будет связано с цифровыми финансовыми активами, они для этой цели очень удобны. Потому что они очень четко позволяют создать целевой характер этих денег. И таким образом его создать, чтобы эти деньги хорошо отслеживались, т.е. вопрос коррупционной составляющей может быть сведен к минимуму за счет использования цифровых финансовых активов для финансирования инвестиционного спроса. И на мой взгляд, мы движемся в этом направлении, хотя и медленно.

— *Очень много в парламенте говорилось о том, что реальный сектор требует денег. В этом плане что-то делается?*

— Судя по ситуации, кредитование предприятий восстановилось до февральского уровня. ЦБ по этому поводу хорошо поработал, услышав запросы экономики. Но вопрос перспективы неоднозначный. Потому что мы понимаем, что находимся в преддверии мирового кризиса, который все ожидают.

— *Когда он может наступить?*

— Евросоюз уже в рецессии. И при этом там еще растет инфляция. США пока под вопросом. Некоторые экономисты полагают, что США не упадут в рецессию за счет Европы, за счет того, что из Европы капитал побежал в США и таким образом это поддерживает экономику США. Тем самым, как прогнозируют экономисты, скорее всего им удастся избежать рецессии. Но это не факт, поскольку инфляция и там продолжает оставаться высокой. ФРС поднимает ставки, а это такой фактор, который может привести именно к рецессии.

Что касается Китая и Индии, там просматриваются риски не рецессии, а замедления экономического роста. Происходит это из-за того, что Европа, впадая в рецессию, снижает потребление китайских и индийских товаров. Но у Китая и Индии очень большой внутренний рынок. Они, особенно китайцы, сделали очень много для благосостояния своих людей, для увеличения их покупательной способности. Так что в принципе Китай способен избежать рецессии. Индия, скорее да, чем нет.

— *Зюганов при обсуждении федерального бюджета сказал, что Банк России снова планирует 264 млрд долларов за рубеж вывести.*

— Геннадий Андреевич переживает на этот счет. Это правильно. Но в данном случае помощники не очень правильно донесли ему ситуацию... Дело в том, что сегодня у наших нефтегазовых экспортеров на счетах в западных банках остается огромная выручка. Потратить ее они не могут, потому что нам объявлены санкции, и многие вещи, которые они хотели бы там купить, они приобрести не в состоянии. И деньги просто стоят на счетах.

— *Их там могут своровать?*

— Могут. И очень даже просто. Но на Западе этого сейчас не делают, чтобы не прекратить

наш экспорт, иначе мы вообще перестанем туда отправлять наши металлы, нефть, газ, удобрения. И там тогда будет жесточайший кризис.

Однако проблему с зависанием выручки наших экспортеров в западных банках, конечно, надо решать. Как? Наверное, надо перестать экспортировать за недружественные валюты.

— *Но мы вроде бы уже что-то решили?*

— Нет, не решили. Мы решили это только по газу и то частично, только в части трубопроводного газа. Что касается зернового экспорта, там тоже вопрос решен частично, чтобы рассчитываться в национальных валютах.

Словом, нам нужно уходить от расчетов в недружественных валютах. Но почему медленно идет этот процесс? Казалось бы, вот по газу такое решение было принято оперативно и четко. С нефтью, боюсь, так не пойдет. Среди нефтяных компаний, которые занимаются экспортом, у нас только одна компания государственная — Роснефть. А все остальные частные. Каждая из этих компаний политику продаж определяет самостоятельно.

Тем не менее и на нашем нефтяном рынке, на мой взгляд, уже назрел вопрос о переходе к рублевым ценам. Хотя бы с этого надо начать. А пока у нас весь нефтегазовый экспорт оценивается не в рублях, а в основном в долларах по котировкам Роттердама, Лондона, Нью-Йорка, Чикаго. Вот в чем дело. Именно там они формируют порядок ценообразования. Что такое нефть марки Юралс или Brent — это такой ценовой индикатор, который искусственно придуман нефтетрейдерами как некий эталон. И по нему идет торговля. Нефть же вся разная, как, собственно, и все остальные товары. Поэтому нам нужно выработать, видимо, другой стандарт. И ценообразование делать рублевое. И на наших биржах. У нас есть свои товарно-сырьевые биржи — и петербургская и московская. Что нам мешает это делать?

В завершение беседы депутат сказал, что, судя по всему, кардинальная перестройка ДКП Банка России в интересах интенсивного развития национальной экономики произойдет уже на дистанции начавшегося трехлетия.